

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГРОБНИЦЫ

11

ОТРЕЗАННЫЕ ОТ ЛЮДЕЙ

3 декабря, 12 часов 22 минуты

Салала

Сафия очнулась в тесной камере, терзаемая приступами тошноты и не имеющая понятия, где находится. Она повернула голову, и стены полутемного помещения пустились в бешеную пляску. Из самого ее нутра вырвался булькающий стон. Зарешеченное окошко высоко под потолком пропускало острые, как кинжалы, полоски света. Невыносимо яркого, обжигающего. Молодую женщину снова скрутил спазм. Повернувшись на бок, она с трудом свесила с края койки голову, слишком тяжелую, чтобы держаться на плечах. Ее желудок судорожно сжался. Ничего. Тем не менее, откатившись назад, Сафия ощутила во рту горьковатый приступ желчи. Она принялась размеренно дышать, делая глубокие вдохи и выдохи, и постепенно стены камеры прекратили свою свистопляску.

Только теперь Сафия почувствовала, что все ее тело покрыто потом, прилепившим тонкую хлопчатобумажную ткань к ногам и груди. Жара стояла

душающая. Пересохшие губы растрескались, превратились в пергамент. Сколько времени она проспала, оглушенная снотворным? Сафия помнила мужчину со шприцем. Спокойного, высокого, облаченного во все черное. Он заставил молодую женщину снять мокрую одежду и переодеться в форму защитного цвета.

Сафия осторожно огляделась вокруг: каменные стены, деревянный пол. В воздухе висел неприятный запах жареного лука и грязных ног. Вся обстановка состояла из жесткой койки. Массивная дубовая дверь закрыта и, несомненно, заперта на замок. Сафия полежала неподвижно еще несколько минут. Мысли ее беспорядочно плавали, смутные от последствий снотворного. И все же где-то в глубине страх стиснул сердце кольцами удава. Она одна, в плену. Все остальные погибли.

Сафия явственно представила языки пламени, которые разрывали ночь, отражаясь в волнах вздыбленного штормом моря. Это воспоминание впечаталось ей в сознание ослепительной вспышкой, сверкнувшей в темноте. Яркий до боли багрянец, от которого нельзя спастись, даже зажмурившись. К горлу подступил клубок, дыхание перехватило. Сафии захотелось расплакаться, но она не могла себе это позволить. Если только начать, никогда не остановишься.

В конце концов Сафия поднялась на кровати и опустила ноги на пол. Двигала ею исключительно биологическая потребность — усиливающиеся позывы мочевого пузыря напоминали о том, что она еще жива. Сафия постояла, пошатываясь, держась рукой за стену. От камней веяло приятной прохладой. Она подняла взгляд на зарешеченное окошко. Судя по жаре, по углу падения солнечных лучей, время приближалось к полудню. Но каких суток?

Где она находится? В воздухе чувствовались запахи моря и песка. Сафия пришла к выводу, что она по-прежнему в Аравии.

Отвернувшись от окна, Сафия направилась к двери. Доковыляв до двери, она подняла руку. А что, если ее просто снова накачают снотворным? Сафия ощупала багровую опухоль на сгибе левой руки, куда была вколота игла. Выбора у нее нет. Настойчивая потребность перевесила осторожность. Постучав в дверь, Сафия хрипло крикнула по-английски:

— Эй, кто-нибудь меня слышит?

Затем она повторила то же самое на арабском. Ответа не последовало. Сафия заколотила громче, так что заныли костяшки пальцев, а между лопатками вспыхнула боль. Ее организм был истощен. Неужели ее бросили здесь умирать? Наконец слышались шаги. Заскрежетал массивный запор. Дверь распахнулась. Сафия увидела перед собой того же самого мужчину, что и в предыдущий раз. Выше ее на целых полфута, одетый в черную рубашку и поношенные, вылинявшие джинсы, он закрывал своей тушей весь дверной проем. Сафия с удивлением заметила, что он обрит наголо. В прошлый раз она не обратила на это внимания. Ах да, тогда он был в черной шапочке. Единственной растительностью у него на голове были черные брови и пучок черных волос на подбородке. Но Сафия не забыла его голубые глаза, холодные, непроницаемые, бесстрастные. Глаза акулы. Она поежилась под их взглядом. Ей показалось, в камере внезапно стало холодно.

— Ты уже проснулась, — произнес мужчина. — Пойдешь со мной.

Сафия уловила в его голосе едва заметный авст-

ралийский акцент, притупленный долгими годами на чужбине.

— Куда? Мне нужно в туалет.

Поморщившись, бритый повернулся.

— Следуй за мной.

Он провел Сафию до конца коридора. Удобства были самые примитивные: дырка в полу с площадками для ног, душ без занавески и маленькая грязная раковина с подтекающим краном. Заскочив внутрь, Сафия поднесла руку к двери, не уверенная, позволят ли ей уединиться.

— Долго не засиживайся, — пробормотал мужчина, закрывая дверь.

Оставшись одна, Сафия осмотрелась, ища какое-нибудь оружие, какой-нибудь путь к бегству. Единственное окно было забрано решеткой. Но хотя бы из этого можно было выглянуть. Быстро подойдя к окну, Сафия увидела за ним небольшой городок, раскинувшийся на берегу моря. До самой воды простирались пальмовые деревья и белые домики. Чуть поодаль слева пестрые брезентовые навесы обозначали базар. А вдалеке, за пределами города зелеными полосами тянулись плантации бананов, кокосов, сахарного тростника и папайи.

Сафия узнала это место. «Город садов», жемчужина Омана — Салала. Административный центр провинции Дофар, который должен был стать конечной точкой маршрута «Шабаба Омани». Этот район страны славился пышной зеленью. Многочисленные горные речки и ручьи, бурлящие водопадами, питали плодородные пастбища. Только в этой части Омана благословенные муссоны проливались на землю ливнями. Морозящий дождик был здесь не редкостью, а вершины окрестных гор почти все время затягивали облака. Ни в одном другом уголке на побережье Персидского залива не встре-

чалось такого благодатного климата, который позволял выращивать редкие ладанные деревья, источник несметного богатства Омана в древности. Процветание края сопровождалось строительством легендарных городов Сумхарамы, Аль-Балиды и, наконец, затерянного города Убар. Почему похитители привезли ее именно сюда?

Сафия взглянула в зеркало впервые за много часов, подойдя к убогому умывальнику. Она увидела только тень былой себя: осунувшуюся, дерганую, с запавшими глазами женщину. Однако она осталась в живых. Послышался стук в дверь.

— Ты там уже закончила?

Сафия вернулась к двери и открыла ее. Бритый указал кивком:

— Сюда.

Уверенный в том, что ситуация полностью находится в его руках, он направился вперед, даже не оглянувшись. Выбора у нее не было. Сафия шла, еле волоча ноги, от отчаяния налившиеся свинцом. Они спустились по короткой лестнице в другой коридор.

У дверей сидели мужчины с суровыми лицами, с автоматическими винтовками в руках — то ли прохлаждались, то ли несли дежурство. Постучав, бритый толкнул дверь. Сафия оказалась в комнате, обставленной по-спартански: вытертый ковер, давно вылинявший на солнце, одинокий диван, два жестких деревянных стула. Под потолком жужжали два вентилятора, перемешивая воздух. Стол у стены был завален оружием и каким-то электронным оборудованием, среди которого на расчищенном пятачке стоял портативный компьютер. Выходящий в ближайшее окно кабель тянулся к спутниковой тарелке размером с ладонь.

— Пока что это все, Кейн, — сказала женщина, поднявшаяся из-за компьютера.

— Слушаюсь.

Кивнув, мужчина вышел и закрыл за собой дверь. У Сафии мелькнула была мысль попытаться схватить один из лежащих на столе пистолетов, но она сразу же поняла, что не успеет и близко к ним подойти. Ослабевшая, она еле держалась на ногах. Женщина повернулась к ней. На ней были черные штаны в обтяжку, серая футболка, а поверх нее свободная расстегнутая рубашка. Рукава были закатаны до локтей. От взгляда Сафии не укрылась рукоятка пистолета, торчащая из кобуры на поясе.

— Пожалуйста, садитесь, — распорядилась женщина, указывая на стул.

Сафия не сразу, но все-таки подчинилась. Женщина, оставшись на ногах, принялась расхаживать за диваном.

— Доктор аль-Мааз, судя по всему, ваша слава специалиста по истории этого региона дошла до моего руководства.

Сафия с трудом понимала, что ей говорят. Она не могла оторвать взгляд от лица женщины, черных волос, губ. Это была та самая женщина, которая пыталась убить ее в Британском музее, которая организовала смерть Райана Флемминга, а вчера ночью погубила всех ее друзей. У нее перед глазами промелькнули лица, образы, отвлекая ее внимание от слов.

— Доктор аль-Мааз, вы меня слушаете?

Сафия не смогла ответить. Она всмотрелась в лицо женщины, ища в нем признаки внутреннего зла, какие-то свидетельства того, что та способна на беспощадную жестокость. Какую-нибудь отметину, шрам, любую мелочь. И не смогла ничего найти. Как такое может быть? С уст женщины со-

рвался тяжелый вздох. Подойдя к дивану, она села и подалась вперед, опершись локтями на колени.

— Пейнтер Кроу был моим напарником, — произнесла она.

Сафия вздрогнула, неожиданно услышав это имя. У нее в груди разлилась обжигающая ненависть. Пейнтер? Не в силах поверить, Сафия затряслась от бессильной ярости. Этого не может быть!

— Вижу, мне удалось наконец завладеть вашим вниманием.

На тонких губах женщины мелькнула едва заметная тень удовлетворенной усмешки.

— Вы должны знать правду. Пейнтер Кроу использовал вас в своих целях. Всех вас. Подставил вас под риск. Молчал о своих истинных намерениях.

— Вы лжете, — пошевелив пересохшими губами, прохрипела Сафия.

Женщина откинулась на спинку дивана.

— Мне не нужно лгать. В отличие от Кроу я скажу вам всю правду. То, на что вы случайно наткнулись, возможно, содержит ключ к источнику немыслимой энергии.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Я имею в виду антивещество.

Сафия поморщилась, не в силах поверить своим ушам. Женщина продолжила рассказ о взрыве в музее, о следах радиоактивного заражения, о поисках источника антивещества, которое должно было находиться в какой-то стабильной форме. Несмотря на категорическое нежелание верить, Сафия вынуждена была признать, что многое встало на свои места: определенные замечания Пейнтера, оборудование, которое он использовал в музее, давление, оказанное на подготовку экспедиции правительством Соединенных Штатов.

— Тот осколок метеорита, который взорвался в

Британском музее, — продолжала женщина, — говорят, он охранял ворота затерянного города Убар. Именно туда вы нас и приведете.

Сафия с сомнением покачала головой.

— Все это нелепо.

Еще на мгновение задержав на ней взгляд, женщина встала и направилась в противоположный угол комнаты. Вытащив что-то из-под стола, она прихватила один из приборов и вернулась к дивану. Сафия узнала свой чемодан. Щелкнув замками, женщина откинула крышку. Внутри в углублении из черного пенопласта лежало железное сердце. Поймав на себе яркий солнечный луч, оно вспыхнуло рыжевато-бурым светом.

— Вот та самая реликвия, которую вы обнаружили внутри изваяния, высеченного еще за двести лет до рождения Христа. На ее поверхности начертано название Убар.

Сафия медленно кивнула, пораженная тем, насколько подробно женщине все известно. Похоже, для нее не существовало никаких тайн. Наклонившись над чемоданом, женщина провела прибором над сердцем. Прибор затрещал, напоминая счетчик Гейгера.

— Уровень радиации очень низкий. Ее едва удастся обнаружить. Но сигнатура такая же, как и у взорвавшегося метеорита. Пейнтер хоть словом обмолвился об этом?

Сафия вспомнила, что Пейнтер исследовал железное сердце похожим прибором. Неужели это правда? И снова у нее в груди холодным камнем легло отчаяние.

— Нам нужно, чтобы вы продолжили эту работу, но теперь уже для нас, — сказала женщина, закрывая чемодан. — Вы должны привести нас к воротам Убара.

Сафия устремила взор на запертый чемодан. Столько пролитой крови, столько загубленных жизней — и все это из-за совершенного ею открытия. Все повторяется сначала.

— Я этого не сделаю, — едва слышно проговорила она.

— Сделаете, ибо в противном случае вы умрете.

Покачивая головой, Сафия пожала плечами. Ей все равно. У нее отняли все, что она любила. Отняла вот эта самая женщина. Она ни за что не станет ей помогать.

— С вами или без вас, мы будем продолжать работы. В вашей области есть и другие специалисты. Но если вы откажетесь, я могу сделать последние часы вашей жизни крайне неприятными.

Сафия ответила на это слабым смешком. Неприятными? После всего того, через что ей довелось пройти? Подняв голову, Сафия впервые посмотрела женщине прямо в глаза, куда до этого она старалась не смотреть. Ее глаза оказались не холодными, как глаза лысого мужчины, который привел Сафию сюда. Они искрились исходящей из глубины души яростью, но также и недоумением. Тонкие губы женщины растянулись в усмешке.

— Делайте что хотите, — сказала Сафия, находя силу в собственном отчаянии.

Эта женщина не сможет ее тронуть, сделать ей больно. Вчера она отняла слишком много. Не оставила ничего, чем можно было бы угрожать. Обе одновременно осознали эту истину. Незнакомка на мгновение сдвинула брови, выдавая свое беспокойство.

«Я ей нужна», — со всей определенностью поняла Сафия. Женщина солгала насчет того, что в ее распоряжении еще есть специалисты по прошлому Омана. Никого другого она заполучить не смогла.

В душе Сафии появилась уверенность, крепла решимость, испепеляя остатки наваянной снотворным вялости.

Один раз в прошлом в ее жизни уже появлялась так же из ниоткуда незнакомая женщина с привязанной к груди бомбой, обуянная религиозным рвением. Нацеленная на Сафию, она безжалостно убила других, невиновных. Та женщина сама погибла во время взрыва в Тель-Авиве. Впоследствии Сафия так и не смогла ни в чем ее обвинить, переложить на нее груз ответственности. Вместо этого она взвалила всю вину на себя. Но дело было не только в этом. Сафия не могла отомстить за мертвых, распростертых у ее ног, не могла смыть с себя вину.

Сейчас все обстояло по-другому. Сафия смотрела прямо в лицо своей похитительнице, не отводя взгляд. Она вспомнила, как жалела о том, что не смогла остановить ту женщину из Тель-Авива, встретиться с ней, каким-то образом предотвратить взрыв, смерть. Неужели сейчас речь действительно идет об источнике антивещества? Сафия вспомнила взрыв в Британском музее, его последствия. Как поступит с источником такой разрушительной мощи человек, подобный женщине, которая сейчас сидит перед ней? Сколько еще будет смертей? Сафия не могла это допустить.

— Как вас зовут?

Этот вопрос удивил похитительницу. Такая реакция вызвала в Сафии вспышку радости, яркую как солнце, болезненную, но принесшую удовлетворение.

— Вы сказали, что будете со мной искренни.

Нахмурившись, женщина помолчала, но затем все же ответила:

— Кассандра Санчес.

— И что я должна буду сделать, Кассандра? Если, конечно, я соглашусь вам помочь.

Сафия насладились раздражением, мелькнувшим на лице женщины при таком фамильярном употреблении ее имени. Кассандра порывисто вскочила, давая выход ярости.

— Через час мы выступаем к гробнице Амираана. Именно там было найдено изваяние с железным сердцем. Именно туда вы намеревались привести остальных. С этого мы и начнем.

Сафия встала.

— И последний вопрос.

Женщина вопросительно посмотрела на нее.

— На кого вы работаете? Откройте это, и я соглашусь с вами сотрудничать.

Кассандра подошла к двери, открыла ее и махнула рукой, подзывая своего подчиненного Кейна, чтобы тот забрал пленницу. Затем, стоя в дверях и не оборачиваясь, сказала:

— Я работаю на правительство Соединенных Штатов.

13 часов 01 минута

Кассандра дождалась, когда за хранильницей Кенсингтонской галереи закроется дверь, и пнула мусорную корзину из пальмовых листьев так, что содержимое рассыпалось по дощатому полу. Банка из-под пепси-колы с грохотом прокатилась по доскам и застряла у ножки дивана. «Ах ты, долбаная сучка...» Кассандре пришлось сделать над собой усилие, чтобы удержаться от дальнейших выходок и утишить переполнявшую ее ярость. Пленница казалась сломленной, и Кассандра никак не могла предположить, что в конце она проявит такую изворотливость. Во взгляде Сафии она увидела нечто